

Владимир Войнович: Солженицын — Другого поля ягода

Собеседник — 2002. — 22-28 мая. — с. 4.

Главным литературным героем лета, судя по всему, станет Владимир Войнович: издательство «Эксмо» выпускает его эссе «Портрет на фоне мифа». Это книга не только о Солженицыне (хотя главным образом о нем), но и о психологии русского диссидентства, и об отношении Войновича — самого зубастого русского сатирика семидесятых-девяностых — к современной России, и о главном национальном спорте — кумиротворчестве. Первые двадцать пять экземпляров этой книги (пробный тираж, хорошо проработанная подготовка к скандалу) были разосланы журналистам в начале мая.

— Владимир Николаевич, это была идея — с пробными экземплярами?

— Сказать, что это моя идея — значит соврать. Сказать, что я о ней не знал — значит соврать тоже.

— Вы ожидаете скандала?

— Маленький скандалчик, возможно, и будет, но это ведь не самоцель. Большой скандал был, когда я написал «Москву-2042». Тогда на меня напали не только за некоторый скепсис относительно перспектив перестройки (я предположил, что все закончится торжеством очередного гениалиссимуса и массовым потреблением свинины по-вегетариански), но и за собирательный образ Сима Сымча Карнавалова. Главная претензия была в том, что я трусливо ухаживаю от ответственности, утверждая, будто Сим Сымч — это не Александр Исаич, а пародия на мессиянство как таковое. Самое интересное, что теперь меня упрекают в вещах ровно противоположных: зачем я написал публицистическую книгу о Солженицыне, назвав все своими именами? Зачем посягаю на святую?

— А не кажется ли вам, что Солженицын — фигура в достаточной степени отыгранная?

— Кажется. Но ведь не в одном Солженицыне дело. Есть отечественная традиция — создавать себе святых и на них молиться, и горе тому, кто покушается высказать мнение, отличное от общего. Вот с этим я по мере сил борюсь, потому что общество, в котором есть такие священные коровы — будь их заслуги трижды несомненны, — все равно несвободно и его легко закрепить в случае чего. И не стал бы я утверждать, что Солженицын превратился в фигуру отыгранную: священный страх перед его именем все еще силен, вот и «Знамя» отказалось печатать эту книгу, хотя рассматривало ее. И еще один журнал, который я по разным причинам не хочу называть, вернул мне рукопись. И издательству, наверное, нелегко далось решение о ее публикации.

И потом, понимаете... это ведь не столько публицистика, сколько мемуары. И я не столько о Солженицыне пишу, сколько о себе. О том, как был человек, игравший огромную роль в русской истории — и в моей жизни тоже, — и о том, как я постепенно понимал, что это за человек на самом деле.

— То есть книга — о том, как вы преодолеваете Солженицына в себе?

— Ну, во мне никогда не было Солженицына. Я совсем другого поля ягода — не о масштабах говорю, сравнивать их не наше дело, а о типе сознания. Я не водитель масс, не пророк и не претендую на конечную ис-

Фото Андрея Струнина

тину. И хочу надеяться, что мне чужда натузженная серьезность: для сатирика такое отношение к себе — последнее дело.

— И тем не менее идеи Солженицына как будто ближе нынешней власти, чем соображения его оппонентов...

— Не думаю. Путин приезжал — вроде как «под благословение», но Александр Исаевич остался этим визитом не вполне доволен. Он сказал, что Путин его советам не последовал, да ведь и других визитов не было. Выходит, литератор, какого бы он ни был масштаба, на власть по-прежнему не влияет.

— Фридрих Горенштейн, тоже вынужденный уехать в семидесятые, незадолго до смерти сказал в интервью, что сегодняшняя интеллигенция должна изжить, выдать из себя диссидентство и начать сотрудничать с властью ради России. Не пора ли оставить изначальную подозрительность и фронду?

— Я думаю, что интеллигент — особенно в России — должен относиться к власти настороженно. Хотя бы потому, что у нее слишком велик соблазн превратить свои полномочия. Предпосылка к тому всегда множество: и перманентный кризис, которым легко оправдать любые «чрезвычайные меры», и готовность общества смириться с этими мерами, и историческая традиция, и географический масштаб — оправданий можно найти сколько угодно. Любая российская власть имеет тенденцию к выходу из берегов. Поэтому не думаю, что интеллигенции стоит себя с нею отождествлять — как не стоит и априори ей себя героически противопоставлять. Диссидентство породило свои болезни и комплексы, я привожу в книге весьма компактный, если вы заметили, список тех диссидентов, к которым относился с безоговорочным уважением. Среди фрондирующей интеллигенции были и те, кто наслаждался подпольностью и борьбой и охотно считал себя святым — на том основании, что очень уж отвратительна была власть. Тех, кто подписывал письма из чистого самоуважения, тех, кто презирал любого оппонента и кричал, что оппонент подкуплен, — я и в семидесятые годы не жаловал и до сих пор жалею, что не спустил с

— Скорее императора. Я не думаю, что во главе России может быть неавторитарная личность.

— Вот это ваше убеждение лишний раз и подтверждает, что по большому счету в стране ничего не изменилось. У нас была не революция и даже не перестройка, а перестроение — это, знаете, бывает в армии, когда в первые ряды выходят другие люди, но природа строя остается та же. У нас сейчас гибрид колхоза с капитализмом, и мы в нем живем, полагая, что так и надо. На самом же деле либерализм, если бы он был — предполагал бы наличие в стране закона, а не авторитарного произвола. Он предполагал бы также известное чувство безопасности — а этим по-прежнему и не пахнет. Наконец, при либерализме жить попросту удобнее — а я не думаю, что среднему жителю России стало удобнее жить за последние десять лет. Вступление в капитализм — оно ведь определяется не товарным изобилием, то есть это признак второстепенный. Страной вступает в капитализм, если

поем, то же самое кино смотрим, а с вами сегодня говорим в день рождения пионерской организации, о которой по телевизору в каждой информационной программе — в каждой! — прошло по вполне сочувственному сюжету. Все поразительно легко согласилось с тем, что у нас тут пятнадцать лет назад было очень хорошо! А это потому, что на протяжении последних десяти лет сознательно и с размахом компрометировали идею свободы: раньше вся нефть принадлежала государству, а теперь она вся стала принадлежать пяти тайным собственным олигархам, неизвестно откуда вылезшим. Ненавидеть государство как-то считалось не комильфо, тем более что оно отождествлялось с Родиной. Стали ненавидеть олигархов, а заодно с ними — и свободу, хотя к свободе они никакого отношения не имеют... Страной продолжали управлять глубоко советские люди, они такими и остались, и я не вижу принципиальной разницы между губернатором и секретарем обкома.

— Но разве не стало спокойней и попросту уютней в стране сегодня, когда рейтинг главы государства зашкаливает за семьдесят?

— Рейтинг главы государства, по моим ощущениям, за семьдесят зашкаливать не должен. Это либо признак экстремальной ситуации (и тогда это показатель тревожный, вроде повышенной температуры), либо следствие той самой монументальной пропаганды. Тут дело, конечно, не только в Путине, который сам по себе этой пропагандой не занимается, хотя приверженность к советской фразеологии я за ним замечал. Тут дело в аппарате, который никуда не делся, и в методике, которая по-прежнему предполагает массовое оглупление.

— И последнее: прочтем ли мы третью книгу о Чонкине?

— Прочтете, и скоро. Это будет не совсем третья книга — просто осенью я издам целиком весь этот роман о моем любимом герое, и там будут новые главы о его дальнейшей судьбе.

■ Дмитрий Быков.

Интеллигент — особенно в России — должен относиться к власти настороженно. Потому что у власти велик соблазн выйти из берегов.

лестницы одну огнеглазую девушку, которая гневно меня стыдила за отказ подписать письмо в кризисную для меня минуту, когда эта подпись могла стоить жизни и здоровья моим родным. Но свысока, пренебрежительно относиться к диссидентству как таковому я никогда не стану — если, конечно, речь идет о людях, которые в самом деле не могли молчать, а не о тех, которые делали себе карьеру.

— Однако сегодняшняя Россия снова реконструируется как империя и ничем другим быть не может.

— Империя — понятие широкое, у нее много признаков. Например, наличие доминионов. Или император во главе. Вы имеете в виду доминионы?

уж брать чисто внешние признаки, когда у нее улицы чистые и дороги нормальные: это куда более важный показатель. Потом преступность падает, потому что все меньше лазеек для того, чтобы обходить закон. Потом исключается сама возможность попадания во власть таких людей, как, например, Харитонов. Колхозников во власти нет, понимаете? Наконец, в либеральном государстве не бывает коммунистической пропаганды. А она у нас есть, и нечего нос воротить. Она коммунистическая, во-первых, по самой своей массированности, кумиротворчеству, лизоблудству, а во-вторых, по склонности идеализировать наше славное вчера. Тот же самый гимн